

...Редакторская статья

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-1

УДК 316.4

Черныш М. Ф.

Социальные сети и неравенство

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
ул. Кржижановского, дом 24/35, корпус 5, Москва, 117218, Россия

Аннотация. В современной общественной науке активно исследуется влияние на общество сетевой организации социальной жизни. Сети рассматривались изначально в положительном ключе, как возможность самоорганизации граждан для решения тех задач, которые сложно решать неповоротливым государственным структурам. Однако, по мере того, как сети становились элементом повседневной жизни, очевидными становились непреднамеренные последствия их широкого распространения. Социальные сети, соединившись с новыми технологиями связи, стали источником новых вызовов для современного общества. Эти вызовы заявили о себе в области экономики, где сетевой принцип не оправдал возлагавшихся на него надежд на выравнивание стандартов жизни и норм экономической деятельности в развитых и развивающихся странах. Сетевой принцип, положенный в основу современной экономики, оказался фактором сохранения существующего неравенства, углубил разрыв между элитами, использующими преимущества глобализации, и остальным населением. Социальные сети создали среду, в которой стало возможно возрождение архаичных ценностей и практик и, прежде всего, этноцентричных, замкнутых по отношению к остальному миру представлений. Социальные сети активно используются как частными организациями, так и государства для сбора данных о гражданах в обход существующих законов. Необходимо рассматривать сетевой принцип организации жизни сбалансированно с осознанием всех его последствий для общества и отдельных граждан.

Ключевые слова: социальные сети; информационное общество; информационные работники; цифровое неравенство; социальное оценивание

Благодарность: статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 21-18-00489 «Новые социальные неравенства в эпоху цифровизации».

Информация для цитирования: Черныш М. Ф. Социальные сети и неравенство // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. С. 4-15. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-1.

Michael F. Chernysh | Social networks and inequality

Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 24/35 Krzhizhanovskogo str., Building 5, Moscow, 117218, Russia

Annotation. Contemporary social science is engaged in the active research of network organization of social life. Networking is originally regarded as a positive phenomenon, as a possibility of citizens' self organization to solve social problems that the unwieldy state structures fail to tackle. However, as networks were becoming an element of daily life, it became evident that their widening presence might have unintended consequences. Social networks adopted new communication technologies and thereby created new challenges for modern societies. These challenges were made obvious in economy where the principle of networking failed to contribute to greater equality in life standards and norms of economic activity in developed and developing countries. Networking underlying modern economies led to growing disparity between the elites, using fully the advantages of globalization, and the rest of the population. Social networks created an environment that became fertile ground for the revival of archaic values and practices, ethnocentrism closed to the rest of the world. Social networks are actively used by both private and state agents to collect data on citizens without violating existing laws. It is necessary to have a balanced view on networks with an awareness of their consequences for society and individuals.

Keywords: social networks, information society, information workers, digital inequality, social evaluation.

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the project "New social inequalities in the era of digitalization" supported by a grant from the Russian Science Foundation (project №. 21-18-00489).

Information for citation: Chernysh, M. F. (2022), "Social networks and inequality", *Research Result. Sociology and management*, 8 (2), 4-15. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-1.

Введение (Introduction). *«Сетевой» поворот в общественной науке.* Каждую новую эпоху, перелом в социальных отношениях предваряет новая утопия. Утопия, которая предваряла Новое время, предсказывала грядущую победу науки над мракобесием, просвещения над невежеством, политического равенства над неравенством. Идеалом, содержащим утопические мысли, были, в том числе, теоретические конструкции Огюста Конта, мечтавшего об обществе, в котором наука стала бы новой религией, и одновременно инструментом управления. Собственные утопии рождал и пере-

ход к эпохе сетей, цифровых сетей в частности. Сети рассматривались как выход из «железной клетки» существующих иерархий, как «ризомное» состояние, в котором у гражданина появлялся выбор идентичностей и, соответственно, возможность включаться в объединения не только территориально близких, но и тех, кто находился в разных странах на разных континентах. Визионеры новой эпохи вдохновлялись набирающей силу глобализацией, вовлекавшей в сетевой водоворот всё новые государства, развитием новейших электронных технологий, дающих возможность осуществлять

немыслимое – совершать действие на расстоянии, текучестью социальных миров, выраженной во всё более масштабной миграции и международном туризме. Объединение мира шла «поверх барьеров», границ между государствами, да и сами государства казались в тот момент стареющей, отживающей свое формой социальной организации. «В исторический период, – писал Мануэль Кастельс, – характеризуемый широко распространенным деструктурированием организаций, делегитимацией институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов. Люди всё чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, чем они являются». (Кастельс, 2000: 27).

Конец прошлого века стал временем расцвета транснациональных корпораций, которые обрели потребителей в тех странах, которые по разным причинам, прежде всего, политическим не могли включиться в полной мере в процесс потребления. Не случайно именно сети становились основной формой проникновения ТНК в страны, куда раньше вход для них был затруднен. Наибольшее распространение получила сетевая торговля, к которой граждане бывших социалистических стран стали быстро привыкать – быстро, эффективно, надежно с точки зрения качества. Брендовые имена торговых корпораций и раньше присутствовали в массовом сознании, но скорее, как миф, как отсылка к развитым потребительским практикам в том мире, которые посетить подавляющему большинству населения в этих странах было невозможно. Но невозможное случилось: то, что мыслилось как область недостижимого устроилось на соседних улицах в форме супермаркетов или торговых центров, предлагающих примерно тот же набор материальных благ, что и аналогичные центры в других, капиталистических странах.

Методология и методы (Methodology and methods). Сетевое проникновение

ТНК приняло зримую форму ещё в одном измерении – производственном. В странах бывшего СССР, включая Россию, то здесь, то там появлялись филиалы западных компаний, включенные в общую глобальную производственную сеть. Стратегия этого проникновения имела целый ряд особенностей, которые отмечены в «теории зависимости», когда филиал западной компании работает исключительно на рынок страны, в которой присутствует (Ghosh, 2019). К примеру, сборочные автомобильные производства ориентировались на внутренние рынки, сводя производственные технологии к минимальной сложности и доступности, получившей справедливое наименование «отверточная сборка». Распределение производств по участкам глобальной сети имело в основании, прежде всего, сложившуюся иерархию между «центром» и «периферией», между производствами, создающими сложные, интеллектуально насыщенные компоненты создаваемого продукта, и производствами, в задачу которых входила финализация почти готового продукта, его окончательная сборка для передачи в систему торговли. Возник парадокс, который у Кастельса характеризуется как шизофренический: с одной стороны, мир всё больше индивидуализируется, а государства ослабевают, а с другой крупные международные корпорации успешно применяют сетевые технологии для сохранения существующего в мире ранжирования выгоды. Мечта о «цивилизующей роли» ТНК, которую заявил в известной книге «Человеческие качества» Аурелио Печчеи, оказалась не менее утопической, чем возвышенные мечты сторонников глобализации (Печчеи, 1980). Печчеи считал, что, придя на иную почву, в отличие от западных регионов транснациональные корпорации принесут с собой и новую культуру, подчеркивающую значение положительных человеческих качеств, - необходимость углублять знания, придерживаться правил порядочного честного поведения, умение пользоваться благами современной цивилизации. Однако, как оказалось, транснациональные корпорации отличались не

столько методами контроля, сколько целями: в отличие от государств, они решали прежде всего, задачи максимизации прибыли и расширения масштабов деятельности. Серьезные различия в уровне заработных плат, которые одна и та же корпорация выплачивала в развитых и развивающихся странах, свидетельствовали о том, что неравенство в том виде, в котором оно сложилось до наступления эпохи глобализации, планировалось сохранять, а новые сетевые технологии не рассматривались как серьезная тому помеха.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Непреднамеренные эффекты распространения сетевых технологий.* И, тем не менее, сетевые торговые и производственные сети имели ряд положительных эффектов, как правило, непреднамеренных. Во-первых, они сделали доступными в развивающихся и транзитных странах предметы потребления, которые ранее считались атрибутом жизни среднего класса в западных обществах. Речь идет, в частности, о бытовых приборах, сети Интернет, мобильной связи, брендовой одежде. Во-вторых, они, хотя и по-разному в разных странах, сформировали новую социальную группу директоров и менеджеров среднего звена, владеющих современными технологиями управления. О том, каков был эффект этого «образовательного» проекта, можно судить по экономике Китая и других стран Юго-Восточной Азии. Многие из директоров, прошедших школу управления в больших международных компаниях, становились руководителями национальных предприятий, превращая их в успешных конкурентов своих бывших работодателей. В-третьих, международные компании вынужденно и без особого рвения, но все же планомерно вводили в новых структурах, входящих в сеть, нормы социальной ответственности, которые до того в национальных компаниях не применялись. Разумеется, разные страны использовали опыт ТНК по-разному. В одних случаях, как например в Китае, государство активно привлекало ТНК, придерживаясь политики открытых дверей, но при

этом содействовало строительству параллельной национальной экономики, способной производить конкурентоспособные товары, осваивать рынки внутри страны и за рубежом. В других, таких, как государства Африки, или странах бывшего СССР, «обучение» происходило в гораздо меньших масштабах, собственные производства не строились, а развитие рассматривалось как все более плотное вращение национальной сырьевой экономики в производственные цепочки развитых стран. Как эти процессы влияли на масштабы неравенства в развивающихся и транзитных странах? С одной стороны, население этих стран получало новые возможности в сфере потребления и образования, с другой, сохранялся, а в некоторых случаях и углублялся разрыв между благополучной стратой общества и остальным населением. Характерно, что в большинстве развивающихся и транзитных стран доля населения, относящаяся к среднему классу по-прежнему невелика – не более четверти. Исключение в общем списке стран, вошедших в производственные и потребительские сети, составил Китай, в котором повышение стандартов жизни ставилась как плановая задача государства, как «политика сяо кан», направленная на создание условий умеренного благополучия для большинства граждан.

Сетевые технологии, о которых идет речь выше, внедрялись не только в экономическую, но и социальную сферу глобализирующихся обществ. Как правило, они напрямую касались верхушки общества, её самой богатой и благополучной группы. Из этих людей формировались социальные сети, которые в свою очередь, через образование или иные практики, взаимодействовали или соприкасались с соответствующими социальными сетями в развитых странах (Kakabadse, 2011). В транзитных странах широко пропагандировалась, особенно в образованной, элитной среде, неолиберальная идеология индивидуального достижения, презрительного отношения к государству и его возможностям, отрицательное отношение к любым формам социального содействия неблагополучным

слоям населения. Любая попытка вести разговор о равенстве и необходимости обеспечить более широкие жизненные возможности для неблагополучных слоев населения сразу брендовалась как возвращение к псевдокоммунистическим, архаичным, левым идеям, которые якобы не оправдали себя в истории. Введение прогрессивного налога на богатых, имеющих высокие доходы, приравнивалось к политике «раздатка», нарушающей якобы инвестиционные программы, которые крупные собственники реализуют во благо страны. И этом притом, что собственники, о которых идёт речь, выводили умноженный в стране капитал в развитые или оффшорные зоны, проживали сами и семьями за рубежом, а в собственную страну наведывались лишь для того, чтобы проверить, как идут дела на всё более архаизирующихся предприятиях.

Гегемонический проект неолиберального капитализма имел в разных странах разный уровень проникновения и охвата. В большинстве европейских стран сохранялось и сохраняется развитое социальное государство, отход от его принципов представляется нецелесообразным, а идеи крайнего неолиберализма отождествляются, как правило, с американской, или если шире, англосаксонской традицией отказа от государственного вмешательства в жизнь общества. Европейские интеллектуалы, рассматривая пункты неолиберальной программы, декларировали нежелание европейских обществ отказываться полностью от социальных достижений прошлой эпохи и принять идею государства как врага общества. Деррида и Хабермас, реагируя на вторжение США в Ирак, опубликовали в главных европейских газетах манифест, в котором заявили о приверженности европейских обществ сложившейся в них традиции строить государство не только как эффективный инструмент социальной политики, но и как источник социальных идей, которые «общество индивидов» не создать, ни реализовать в полной мере не может (Habermas J., Derrida J., 2003). Сказались цивилизационные различия, о ко-

торых подробно писал Эйзенштадт, характеризовавший США как страну, устремленную в себя, рассматривающую себя как образец для остального мира, а европейские общества – как отстроенные вокруг критической идеологии, делающие упор не на достигнутом, а на движении, на диалектике последовательного преодоления социальных проблем (Eisenstadt, 2017: 1-31).

Сетевые технологии, полагал английский социолог Скот Лэш, ставшие впоследствии по преимуществу цифровыми, не только не решают проблему неравенства, но и в некоторых отношениях способны обострить её (Lash and Urry, 1994: 145-165). Первоначально, цифровые технологии рассматривались как способ противодействия социальным ограничениям. И действительно, можно было предположить, что активное внедрение сети Интернет, постепенное подключение к ней все более широких слоев населения, создаст благоприятные условия для личностного развития, культурного обогащения, квалификационного роста. В распоряжении пользователя социальной сети могли оказаться богатейшие интеллектуальные и культурные ресурсы – оцифрованные библиотеки, подписки на книги и журналы, курсы получения новых специальностей, включающих в себя компетенции и навыки, музеи и другие культурные объекты, посещение которых не по карману небогатому гражданину развивающейся или транзитной страны. Лэш полагал, что сеть многократно сокращает время, затрачиваемое на коммуникацию, а также расширение новых знаний, облегчает продвижение и узнавание для тех, кто обладает знаниями, талантами, но находится в отдалении от основных центров культурной и экономической жизни. Вместе с тем, считал он, новый мир сетевых технологий не только открывает широкие возможности, но и создает новые барьеры, которые устранить сложнее, чем те, что существовали в прошлом. Намечается (а сейчас раскрылась полностью) опасность культурных разрывов между теми, кто владеет новыми техно-

логиями, и теми, кто ими не владеет и испытывает психологические трудности в освоении новых инструментов. Вероятно, полагал он, что нахождение в хабах, координирующих работу сетей, станет для одних преимуществом, обеспечивающим им привилегированную занятость, а для других, напротив, препятствием для мобильности. Локализация в тех местах, которые относятся к периферии, скорее всего создаст препятствия на пути получения информации, затруднит её прямое применение в интересах социального продвижения.

Американский социолог Харгиттай предположила, что «цифровые» различия лягут в основу новой социальной структуры, приведут к возникновению новых признаков дифференциации, не менее устойчивых, чем прежние (Hargittai, 2011). В настоящее время, считает она, существуют три типа ограничений на пути использования цифровых технологий, создающих в каждом случае ограничения социального плана. Дело в том, что сетевые цифровые навыки идут всё дальше от состояния «желательных», имеющих альтернативу в иной практической области, к состоянию «совершенно необходимых», без которых получить ту или иную услугу, тот или иной ресурс невозможно. В первую группу ограничений входит граница между владеющими и невладеющими цифровыми технологиями. В самом начале цифровой эры доля тех, кто имел аппаратные возможности подключения к цифровым технологиям (компьютер, мобильный телефон) исчислялась долями процента. В дальнейшем, благодаря снижению цен на цифровую приборную базу, доля тех, кто имел возможность использовать подобные технологии выросла и в настоящее время составляет большинство. Тем не менее, в условиях, когда медианные доходы в развивающихся странах невелики, цифровые технологии оказываются за рамками доступности для значительной части населения. Цифровое

неравенство накладывается на неравенства уже существующие – доходное и территориальное. Наименее благополучные слои населения испытывают существенные ограничения по части использования «цифры» и, соответственно, включенности в цифровые сети разного уровня. В большинстве случаев эта часть населения сосредоточена в отдалении от крупных центров населенных пунктов, где связь менее устойчивая и более медленная, чем в больших городах. В этом смысле можно считать сбывшимся прогноз Скота Лэша: цифровые технологии в каких-то случаях снимают существующие социальные противоречия, а в других случаях делают их более заметными.

Второй тип неравенства по классификации Харгиттай связан с наличием тех или иных компетенций во владении сетевыми технологиями в условиях, когда эти технологии становятся одним из основных способов получения важных социальных услуг. Исследование, которое было проведено Институтом социологии совместно с Фондом поддержки детей в трудной жизненной ситуации в 2014 году, принесло парадоксальные результаты¹. Выяснилось, что наиболее успешно социальными услугами, распространяемыми с помощью сети Интернет, пользуются наиболее благополучные, компетентные граждане, разбирающиеся в том, как использовать то или иное цифровое приложение, как заполнять соответствующие формы, как обосновывать необходимость получения социальной услуги. Что касается наименее благополучных слоев, то в этих социальных группах доля тех, кто не имел достаточных компетенций для того, чтобы воспользоваться социальными преимуществами, оказалось едва ли не большинство. Как это часто бывает, упомянутые различия воспроизводили себя, прежде всего, внутри существующей территориальной структуры с присущим ей неравенством. В числе тех, кто ис-

¹ Качество и доступность социальных услуг как фактор профилактики и преодоления социального не-

благополучия семей с детьми. Фонд поддержки детей в трудной жизненной ситуации. Отчёт о результатах исследования. М. 2014.

пытывал наибольшие трудности при получении социальных услуг, оказывались, как правило, граждане, проживающие в отдаленных населенных пунктах с плохой транспортной инфраструктурой. Складывалась парадоксальная ситуация: технологии, которые должны были служить инструментом выравнивания социальных различий, в реальности лишь усугубляли их.

Считалось, что общий доступ к цифровым, сетевым продуктам, – это безусловное благо, что изъятие из системы взаимодействий между государством и гражданином «человеческого фактора» уменьшит масштаб коррупции и сделает систему более демократичной. На деле внедрение цифровых технологий привело к тому, что между государством и получателем услуг возникло вместо одного промежуточного звена другое, не менее проблемное. Речь идет об алгоритмизации и лежащих в основе этого процесса математических формулах, обеспечивающих оценивание ситуации. Цифровые технологии, которые используются в режиме оценивания, будь то оценка научного результата или потребности в социальных услугах, базируется на принципе однозначности суждения, то есть представляет любую ситуацию в форме альтернативы, либо «да», либо «нет». Американский математик Кэти О'Нил выяснила, что, как правило, критерии оценки, рождающиеся экспертной средой, и критерии оценки, которые воспроизводят алгоритмы, существенно между собой различаются (О'Нил, 2017). В пример она приводит эпизод в одной из американских муниципальных школ, когда наиболее низкие оценки эффективности получил один из лучших преподавателей-математиков, пользовавшийся огромным уважением как среди учеников, так и среди родителей. Расследование показало, что причиной такого оценивания и последующего увольнения стали невысокие оценки учащихся по предмету, который он вел, именно оценки учащихся суммировались и становились основой для вынесения приговора. Между тем, низкие оценки учащихся говорили не о том,

что учитель был неэффективен, а, напротив, о том, что он подходил к делу честно и справедливо, что, кстати, нравилось самим учащимся. Другие учителя, зная, что их будут оценивать, завышали оценки учащихся и, как результат, получали высокие рейтинги, сохраняя рабочее место. Таким образом, математический алгоритм утратил объективность и стал соучастником коррупционной схемы.

Математический алгоритм, лежащий в основе оценивания, создается, как правило, на основе формальных, квантифицируемых критериев, в которых качество оцениваемого предмета не учитывается. К тому же, алгоритм – и это хорошо знают водители, получавшие извещение о штрафах за нарушение ПДД – может воспроизводить элементарные ошибки математиков или программистов, которые сложно оспорить за отсутствием субъекта, с которым можно было бы вести содержательный диалог. Объективный на первый взгляд инструмент страдает, как оказалось, от множества недостатков, связанных не столько с отдельными ошибками, сколько с самой его природой, отражающей лишь часть общественной сложности. Положения теоремы Гёделя о неполноте формальных систем, доказывающие нетождественность языка (а, следовательно, и всего того, что в нём выражено) и любой формальной системы получают каждодневное подтверждение во взаимодействиях между цифровыми ресурсами, обладающими сетевыми свойствами, и их потребителями. Последним приходится иметь дело с ресурсом, не имеющим субъектности и не способным к диалоговым отношениям.

Третий тип неравенства по классификации Харгиттаи создает барьер между теми, кто способен креативно манипулировать сетевыми технологиями, и теми, кто пользуются ими пассивно, получая готовый продукт со всеми его недостатками. В «цифровой» реальности конструкторы сетей имеют целый ряд преимуществ. В отличие от многих специалистов, которые в нео-

либеральной экономике, попадают в систему жесткого бюрократического контроля и теряют автономию, которая была присуща им в прошлом, «информационные работники», создающие сети и другое программное обеспечение, имеют более высокие, чем в среднем доходы и гибкий график. Кроме того, взрывное развитие сетевых технологий обеспечивает специалистам соответствующего профиля практически гарантированную занятость, причем не только в собственной стране, но и других странах, где используются и разрабатываются программные продукты. Тенденция такова, что «информационные работники» становятся значимой прослойкой внутри среднего класса в западных и развивающихся странах. Это происходит на фоне ослабления среднего класса в целом – падения его доходов, всё более серьезных ограничений его автономии на рабочем месте, а также уменьшающегося участия специалистов в принятии важных для предприятий стратегических решений. «Информационные работники» наиболее успешно капитализируют те преимущества, которые даёт им современный глобализированный рынок труда. Если креативный цифровой класс не устраивают условия работы или оплаты труда в какой-то одной стране, он без труда перемещается в другую часть земного шара, где жизнь более безопасна и комфортна, а уровень оплаты труда более высокий. Подобная «текучесть» объясняет, кроме всего прочего, и углубляющийся разрыв между развитыми и развивающимися, а также транзитными странами. Развитые страны, даже более активно, чем в прошлом, стимулируют приток квалифицированных кадров, создавая для них преимущества при получении вида на жительство или даже гражданства, предлагая рабочие места с высокой оплатой труда и более комфортную среду обитания.

Сетевые технологии и политика идентичности. Фрэнсис Фукуяма известен, прежде всего, тем, что на рубеже 80-х годов прошлого столетия заявил о конце истории (Фукуяма, 2005). Идея конца истории была

конечно же не новой, её выдвигал ещё Георг Гегель, размышлявший об эволюции абсолютного духа и постепенном снятии субъект-объектных отношений. О возможном конце истории размышлял и Иммануил Кант, увидевший в современном ему обществе признаки движения к «вечному миру». Фукуяма считал, что конец истории наступит в тот момент, когда во всех странах воцарится неолиберальный социальный порядок, а тенденции глобализации окончательно сломают границы государств. Ослабление государств должно было стать той чертой, которая отделяет мир прошлого, со свойственными ему военными противостояниями, от мира будущего, когда идея войн и противостояний потеряет смысл на фоне безусловного первенства США и поддерживаемых ими идей свободы. Новый мировой порядок должен был, по мысли Фукуямы, иметь в основании политику идентичности: вместо прошлых конфликтов правых и левых, бедных и богатых придет политика выравнивания прав на основании признания социальных различий, которые до настоящего момента рассматривались как вторичные (Фукуяма, 2019). Отсюда вытеснение из публичного дискурса привычных для социологии концептов класса, игнорирование современными левыми углубляющегося социального неравенства, и одновременно признания важными, социальными значимыми сексуальных и прочих идентичностей, которые ещё недавно обществом игнорировались.

Политика идентичности имела целый ряд последствий, которые можно отнести к числу непреднамеренных. Первое из них – это возрождение этнических национализмов, которые со времён Второй мировой войны признавались в международном сообществе пагубной аномалией. Лия Гринфельд, теоретик современного национализма, считала, что национализмы могут быть гражданскими или этническими (Гринфельд, 2012). При этом гражданский национализм возникает тогда, когда государство укрепляется, а этнический национализм расцветает тогда, когда государство находится либо в самом начале его исто-

рии, либо в процессе его деградации и разрушения. Гражданский национализм распространился тогда, когда в приоритетную повестку дня современных государств вошла идея модернизации. И действительно, идея современности могла появиться на свет только тогда, когда государства укреплялись в определенных границах и когда всё, что относилось к развитию внутри этих границ принималось массовым сознанием как законная, оправданная деятельность. Суть этнического национализма была в том, что он отказывал существующим границам в легитимности, предлагал их пересмотр путём начертания новых границ, в которых определенный этнос мог реализовать свои надежды на строительство собственного, отдельного государства. Политика идентичности, акцентировавшая права меньшинств, проводимая в период ослабления национальных государств под влиянием глобализации, имела следствием возрождение этнических национализмов и растущие притязания небольших народов, живущих на территории больших стран, на создание собственных государств. Благодаря глобализации и развитию сетевых технологий, этнические солидарности получали почву для возвращения утраченных позиций. В социальных сетях возникали и получали прописку не только социальные меньшинства, стремящиеся к легализации сексуальных меньшинств или прав женщин, но и этнически ориентированные сообщества, выступавшие с программой создания политических организаций соответствующей ориентации. Парадокс заключался в том, что, благодаря социальным сетям, оживление традиционного этнического сознания превращалось в пропаганду архаичных форм жизни, древних культов, эксклюзии по отношению к другим этническим группам и современным формам социальной жизни как таковой. Социальные сети оказались той средой, в которой устанавливались новые границы и новые формы эксклюзии, объявлялись легитимными новые неравенства, конструировались национальные мифы, которые, как правило, не имели подтверждения в исторической науке.

Фукуяма признает, что политика идентичности, которую он считает мегатрендом новой эпохи, была вряд ли бы возможна без сетевых взаимодействий, а сетевые взаимодействия на новом уровне интенсивности были бы вряд возможны без новых сетевых технологий. Было бы неправильно винить технологии в тех тенденциях архаизации, которые пробивают себе дорогу в социальной жизни, но без сетевых технологий вряд ли можно было осуществлять мобилизацию этнических меньшинств, включая те из них, которые находились в диаспорах и проживали рассеянно. Ко всему прочему, социальные сети создавали условия, которые позволяли представителям национальных диаспор поддерживать связи с соплеменниками и до некоторой степени затрудняли их аккультурацию в иной культурной среде.

Ответ государства: новый «Паноптикон». Сетевые технологии и, прежде всего, социальные сети оказались идеальной средой для сбора полной информации о пользователях. Пользователи сами сообщают о себе необходимые данные, и эта информация легко интегрируется с другими видами активности в сети, например, выбором товаров и услуг, а также банковской информацией. Фактически компании, специализирующиеся на манипуляциях поведением или общественным мнением, получают, благодаря сетевым технологиям идеальный инструмент влияния. Сформировав и интегрировав базы данных, они открывают для себя возможность точечной рекламы, выверенного воздействия на потребительское поведение. Каждый, кто пользовался сетью, знает, что она реагирует не только на поведение пользователей, но и на слова, на разговоры, которые пользователь ведёт рядом с микрофоном или мобильным устройством. Сети вооружились программами распознавания речи или её фрагментов, инструментами, позволяющими наблюдать за пользователем даже тогда, когда он об этом не знает, инструментами контроля, управляемыми удаленно. Настоящий скандал разразился тогда, когда английская сетевая компания Кэмбридж Аналитика, собрав полноценную базу данных о

пользователях социальных сетей и создав политический профиль каждого из них, точно воздействовала на американских граждан, мобилизуя их в поддержку одного из кандидатов на президентских выборах². Как только тайны Кэмбридж Аналитика стали достоянием гласности, выяснилось, что компания работала не только в США, но и в Великобритании, осуществляя рекламные мероприятия в пользу Брекзита – выхода Великобритании из ЕС. Специалисты по-разному оценивают возможный эффект от воздействия компании на исход выборов или референдумов. Одни считают, что это воздействие было решающим, о чём якобы свидетельствует исход каждого из голосований – побеждали, прежде всего, те, кто пользовался её услугами. Методы Кэмбридж аналитика могли повлиять на исход выборов, мобилизуя, прежде всего, неопределившихся граждан, нуждающихся в аргументах в пользу того или иного варианта, поступающих из внешнего источника. Другие полагают, что точечное воздействие на граждан на основе вероятностных алгоритмов не могло иметь серьезного влияния. В конце концов если гражданин испытывает страхи по поводу кризиса в экономике, коррупции в органах власти, это не значит, что он подпадет под влияние кандидата, объявляющего о борьбе с ними. Как бы то ни было, но появление компаний, подобных Кэмбридж Аналитика (а она явно не в одиночестве на постоянно развивающемся рынке) – это свершившийся факт, который должен учитывать любой субъект политической борьбы.

Мимо таких инструментов контроля над поведением граждан не могло пройти государство. Государственные органы давно используют сетевые инструменты в интересах борьбы с противоправными действиями. Известны, к примеру, программы наблюдения, помогающие выявлять криминальное поведение и пресекать его. В России совокупность сетевых программных

средств, работающих в этих целях, именуется системой технических средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий³. В первом поколении СОПМ служил для того, чтобы собирать информацию об оказанных гражданину услугах связи. В случае необходимости система могла включать прослушивание телефонных разговоров гражданина, однако для того, чтобы делать это, необходимо было получать разрешение суда. Во втором и третьем поколении СОПМ обрел способность объединять разные базы данных, включая прослушивание, визуальное распознавание и отслеживание сообщений в Интернете. С одной стороны, столь широкие возможности электронного слежения позволяют государству более эффективно бороться с противоправными деяниями, с другой, создают ситуацию, когда в распоряжении государства оказываются инструменты, которые позволяют, не нарушая законодательства, вторгаться в частную жизнь граждан, вести за ними постоянное наблюдение. Развитие сетевых информационных технологий таково, что объектом наблюдения могут в скором времени стать не отдельные индивиды и не малые группы потенциальных нарушителей закона, а подавляющее большинство граждан, даже не подозревающих о том, что они находятся в поле зрения компетентных органов. Одним из примеров того, как реализуется себя система тотального наблюдения, выполняющая функции стратифицирования, может служить система социального кредита, отстроенная в Китае (Netkin, 2018). Система настраивается таким образом, что каждый гражданин за каждое значимое деяние во внешней среде получает определенные баллы – за каждое действие, идущее, по мнению властей, на благо общества баллы начисляются, за каждое деяние, совершаемое во вред общества и окружающих, баллы вычитаются. От количества накопленных баллов зависит уровень доверия

² Revealed: 50 million Facebook profiles harvested for Cambridge Analytica in major data breach/ URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election> (дата обращения: 17.03.2018).

³ См. URL: <https://itglobal.com/ru-ru/company/blog/sorm-worldwide-experience/?ysclid=14viyo91am760607164> (дата обращения: 15.03.2022).

гражданину, причем не только в государственных структурах, но и частных организациях. Обладателю высоких баллов представляются широкие возможности получения банковского кредита. Его дети беспрепятственно поступают в любые учебные заведения. Если же баллов не хватает, то ограничиваются возможности не только самого гражданина, но членов его семьи. В ряде случаев данные системы автоматического оценивания оспаривались в суде, назначенные государством ограничения касались не только родителей, но и детей, не имевших отрицательного рейтинга. Таким образом, система наказывала невиновных, заставляла их нести ответственность за нарушения, которых они не совершали. Система СОПМ существует не только в Китае, но и во многих других странах, где она также широко используется как средство наблюдения и влияния. В США и других странах, относимых, как правило, к развитым, работает система накопления данных, характеризующих финансовое поведение граждан, позволяющая осуществлять контроль практически за всеми наиболее важными сторонами жизни. Применение подобных систем – это, с одной стороны, дань необходимости, дополнительная возможность борьбы с криминалитетом, нарушением закона в разных формах, но с другой, доведенная до совершенства система фиксации нарушений становится новым стратифицируемым механизмом, который в каких-то случаях сам может стать способом обхода официальной нормы, заложенной в основные правовых и экономических институтов.

Заключение (Conclusions). Как уже говорилось выше, сетевая организация современной жизни первоначально была в социальных науках поводом для оптимизма. Распространение сетевой организации социальной жизни рассматривалось как новый этап её эволюции – от социальных конфликтов и противоречий прошлого к свободным ассоциациям, способных брать на себя и успешно решать многие из тех социальных проблем, с которыми общество сталкивалось на протяжении многих веков. Сетевая организация противопоставлялась классовым противоречиям, которые, как

считалось, утрачивали свою актуальность. Однако по мере того, как мир социальных сетей становился реальностью, многие из тех надежд, которые с ним связывались, развеивались, освобождая место для понимания его непреднамеренных последствий. Действительно, какие-то из тех проблем, с которыми сталкивается общество социальные сети решают лучше, чем государство или любые другие формы общественной организации. Сети помогают находить потерявшихся детей, собирать волонтеров в тех случаях, когда кто-то нуждается в помощи. Они стимулируют обмен информацией и нередко помогают становлению новых социальных институтов. Однако распространение социальных сетей может иметь и отрицательные стороны, выраженные в более высокой проницаемости частной жизни и, следовательно, более эффективном манипуляции ею. Раннее погружение в социальные сети способно отрицательно влиять на подростковое и молодежное сознание, фокусируя личные интересы на завоевании преходящей популярности в ущерб долговременным жизненным целям. Сети – это не только «приводной ремень» гражданских интересов, но и тот инструмент, которым пользуются разного рода криминальные, деструктивные сообщества. Романтический период изучения социальных сетей подходит к концу, уступая место более трезвому, сдержанному и сбалансированному взгляду на их роль в социальной жизни. Сетевое общество остается в исследовательской программе современной общественной науки, но его статус локализуется, а феномены, порождаемые им, обретают более четкие очертания. Исследуя социальные сети, важно сохранять в поле зрения не только те преимущества, которые они дают, но и вызовы, которые они ставят перед современным обществом.

Список литературы

- Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.
Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

О'Нил К. Убийственно большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения. М., Издательство АСТ. 2017. 340 с.

Печчи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 313 с.

Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019. 198 с.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2005. 259 с.

Eisenstadt S. Multiple Modernities. Ed. by S. Eisenstadt. L. Routledge. 2017. 31 p.

Ghosh B. N. Dependency Theory Revisited. L. Taylor and Francis. 2019. 190 p.

Habermas J., Derrida J. After the War: The Rebirth of Europe // Frankfurter Allgemeine Zeitung. May 31.2003. URL: <http://www.brettmrston.com/blog/2003/06/habermas-and-derrida-in-english.html> (дата обращения 15.03.2018).

Hargittai E. The Digital Reproduction of Inequality // The Inequality Reader. L. Routledge. 2011. P. 936-944.

Kakabadse A. Global Elites. The Opaque Nature of Transnational Policy Determination. L. Palgrave Macmillan. 2011.

Lash S., Urry J. Economies of Signs and Space. L. Sage. 1994.

Netkin R. The Chinese Social-Credit System Experience. N.Y.A National Reputation System in the Making. CreateSpace Independent Publishing Platform. 2018.

References

Greenfeld, L. (2012), *Nacionalizm. Pyat' putej k sovremennosti* [Nationalism. Five paths to modernity], PER SE, Moscow, Russia.

Castells, M. (2000), *Informacionnaya epoha. Ekonomika, obshchestvo, kul'tura* [The Information Age. Economy, society, culture], STATE UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, Moscow, Russia.

O'Neil, K. (2017), *Ubijstvenno bol'shie dannye. Kak matematika prevratilas' v oruzhie massovogo porazheniya* [Killer Big Data. How mathematics became a weapon of mass destruction], AST Publishers, Moscow, Russia.

Peccei, A. (1980), *Chelovecheskie kachestva* [Human qualities], Progress, Moscow, Russia.

Fukuyama, F. (2019), *Identichnost'. Stremenie k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity. The Pursuit of Recognition and the Politics of Rejection], Alpina Publisher, Moscow, Russia.

Fukuyama, F. (2005), *Konec istorii i poslednij chelovek* [The End of History and the Last Man], AST, Moscow, Russia.

Eisenstadt, S. (2017), *Multiple Modernities*. Ed. by S. Eisenstadt. L. Routledge, 31.

Ghosh, B. N. (2019), *Dependency Theory Revisited*, L. Taylor and Francis, 190.

Habermas, J., Derrida, J. (2003) "After the War: The Rebirth of Europe", *Frankfurter Allgemeine Zeitung* [Online], available at: <http://www.brettmrston.com/blog/2003/06/habermas-and-derrida-in-english.html> (Accessed 15 Marth 2018).

Hargittai, E. (2011), "The Digital Reproduction of Inequality", *The Inequality Reader*, 936-944, L. Routledge.

Kakabadse, A. (2011), *Global Elites. The Opaque Nature of Transnational Policy Determination*, L. Palgrave Macmillan.

Lash, S., Urry, J. (1994), *Economies of Signs and Space*, L. Sage.

Netkin, R. (2018), *The Chinese Social-Credit System Experience, N.Y.A, National Reputation System in the Making*, CreateSpace Independent Publishing Platform.

Статья поступила в редакцию 20 июня 2022 г.

Поступила после доработки 25 июня 2022 г.

Принята к печати 26 июня 2022 г.

Received 20 June 2022. Revised 25 June 2022.

Accepted 26 June 2022.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Черныш Михаил Федорович, член-корреспондент Российской академии наук, доктор социологических наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Michael F. Chernysh, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences in Sociology, Director of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.